

Ш.Г. Шаулов

ОСОБОЕ ПОРУЧЕНИЕ

(из архивных эпизодов ветерана)

Израиль 2001 год.

Ш.Г.Шаулов

ОСОБОЕ ПОРУЧЕНИЕ

(из архивных эпизодов ветерана)

*Все эпизоды написаны в конце 40-х годов
на основании памятного блокнота
который я заполнил за 4 года войны.*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Живет человек на Белом Свете - это значит он постоянно в движении - всегда подвижный.

Кроме того, жизнь человека заключается в ее разнообразии - и хоть в какой-то степени пользе для общества, для тех людей среди которых он живет и прежде всего для своей Родины!

Автор.

Ш.Г. Шаулов

ОБ АВТОРЕ ЭТОЙ КНИГИ.

Шаулов Шаул Гаврилович родился 18 апреля 1918 года в поселке Еврейской Слободы (ныне Красная Слобода) Кубинского района Азербайджанской ССР в семье мелкого торговца.

В 1937 году получив среднее образование в городе Баку поступает в Азербайджанский медицинский институт. В 1942 году, по окончании института был мобилизован на войну. Имея в руках взамен диплома врача начиная от города Благово до Берлина побывал в составе разных фронтов: Северо-западный, Ленинградский, Прибалтийский и после 1-й Украинский фронт, на должностях от врача батальона, до командира санроты полка.

Шаулов в чине гв. капитана медслужбы, с двумя боевыми орденами, демобилизовался 24 июля 1946 года из Таллинна. Приехал в Азербайджан, в свой родной район Красную Сло-боду и женился на своей долгожданной, обрученной девушке по имени Тирсо, с которой они были обручены 7 лет. Они жили и живут сейчас в любви и согласии.

Восемь лет в своем районе работал хирургом районной больницы. В 1954 году, по состоянию здоровья, переходит на должность детского врача и 40 лет работает педиатром. Имеет благодарность от Министерства Здравоохранения СССР за снижение детской смертности в районе. В то время он был по совместительству заместителем Главного врача района.

В 1996 году вместе с женой и детьми переезжает на постоянное место жительства в Израиль. Живет в городе Тират Кармель. С того времени член совета ветеранов войны.

КАК Я ПОПАЛ НА ВОЙНУ

4 сентября 1942 года, нас - 80 молодых выпускников Азербайджанского медицинского института посадили на пароход "Дагестан", имея на руках по три с половиной литра воды мы отправились в город Красноводск.

За двое суток мы видели десятки тысяч русскоязычных евреев (ашкенази) эвакуированных из Северокавказ ждавших поездов для отправки по республикам средней Азии, часами стоя в очередях за 400 гр хлеба. Стоя в очередях люди падали в обморок.

С двухсуточными остановками в столицах Среднеазиатских республик (Ашхабад, Бухара, Ташкент) 27 сентября мы приехали в Москву.

Во время распределения по округам, начальник главного санитарного управления бригадный врач Смирнов шутя задал мне вопрос:

- Хорошо ты ходишь на лыжах?

Я ответил, что лыжи я видел только на экране.

Он засмеялся, и кто же время дал указание направить меня в лыжную бригаду.

Приехав в Свердловск получил направление в город Челябинск.

При изучении ходьбы на лыжах (лесную, дорожную, береговую) я дважды разбивал голову при спусках с гор. Перед выездом на фронт в соревнованиях на лыжах, я получил оценку "4" - "хорошо", объезжая тогдашний Челябинск - 16 км за один час пять минут.

В конце декабря приехали на фронт. Город Великие Луки был совсем разрушен, одни кирпичи и церкви. Потом перешли на Бологое и вступили в бой.

ПОЛУЧЕНИЕ ГВАРДЕЙСКОГО ЗНАКА

Северо-западный фронт (СЗФ). 2 января 1943 года наша часть вошла в состав первой ударной армии. Оказался я перед Великими Луками. Город был полностью разрушен. Прошли Бологое. Затем за Псковом 10 км вдоль огневой линии фронта.

Трехдневный отдых на Островских лесах, вокруг воронки от взрывов бомб и снарядов.

Наша танковая бригада получила приказ готовиться к бою. На каждом танке шестнадцать бойцов. С боем прорвали линию фронта. Нас высадили. В бой пошли на лыжах. Мороз минус двадцать пять - тридцать градусов. Особенно трудно было мне, еврейскому юноше с юга нашей страны.

Я - Шаул, был врачом, командир санвзвода. В моем подчинении были два фельдшера офицера и семь санинструкторов. Медвзвод приходилось разворачивать в разных "укрытиях": - то в немецких блиндажах, то в завалах деревьев.

Санитары подбирали тяжело раненых, часто и во время боя. На ветвях, плащпалатках тащили бойцов ко мне, я оказывал первую врачебную помощь, а затем отправляли в ближайшие госпитали. Очень часто на собачих волокушах. Обращивать раненых мне помогал только один санитар. Все остальные санитары и фельдшеры были на поле боя, кроме 2-х ездовых.

В этом страшном бою за первые двое суток (без сна и отдыха) наша часть продвинулась на семнадцать км. За следующие четверо суток продвинулись еще на двадцать км.

Без сна (дремали по очереди прямо на снегу). В этом бою два полевых санитара были тяжело ранены, их отправили в тыл, а пополнения медвзвод не получил. Пять санитаров и два фельдшера должны были работать за девятерых.

Нам дали кратковременный отдых. В это время к нам прибыл главврач медсанбата тов. Гордиенко. Санвзвод поблагодарил за службу и объявил, что нам присвоено звание Гвардейцев. А через неделю будучи на другом направлении фронта, между атаками, зам командира бригады полковник Шулков вручил каждому из нас гвардейский значок.

ХОЗЯИН НЕИЗВЕСТНОГО ГОЛОСА

Июнь 1943 год. Северо-западный фронт.

Получил из штаба фронта назначение в 127 бригаду на должность командира санвзвода отдельного стрелкового батальона.

Батальон стоял на западном берегу реки Рэдьа, а санвзвод на восточном. Между нами нейтральная зона, будущее поле боя. Это была болотистая местность. В санвзводе были опытные фельдшера. На этой территории были белые ночи. Какая красота, но эта красота белела войной. Шли страшные бои. Наша бригада была в авангарде. Ей нужно было захватить город Староя Русса. 17 августа батальон отошел на десять км назад. Вошли в Ясную Поляну - село Льва Толстого. За одни сутки мне надо было подготовить санвзвод к предстоящему бою. Взяв с собой старшего военфельдшера Дудина на двух фургонах привезли со склада ПФС перевязочный материал, шины, кровь и т.д. На другом фургоне водку (существовал закон - перед обработкой дать раненым выпить 100 г водки и закусить). К вечеру того же дня капитан Воробьев со своими штабными работниками из приемно-сортировочного пункта привел пятьсот курсантов Московского пехотного училища, они все были 1925 года рождения, и сразу отправил ребят на передовую. Утром 18 августа, в пять часов, началась артиллерийская канонада. До начала боя я поставил на каждом берегу по одному фельдшеру, на поле боя четверых санитаров. Во время боя мне принесли письмо от племянницы Бриллиант, ей было пятнадцать лет. Она попросила остаться живым и Победой. С этими пожеланиями я и выжил.

Тяжелые кровопролитные бои. Местность боевых действий - болота, взять город не смогли, но болото перешли и подошли к самому городу. Восемь суток длилась эта бойня.

Я с двумя фельдшерами Дудиным и Файзулиным обходили поле боя (часто под обстрелом) чтобы подобрать

тяжело раненых и контуженых. В блиндаже, часто при керосиновых лампах и свечах оказывали первую врачебную помощь. Мне помогала медсестра Дуся Соловьева, а затем на фургонах отправляли раненых в МСБ. Каждому раненному заполнялась карточка передового района.

А вот этот случай никогда не забуду. Курсант Федоренко на третий день боя получил осколочное ранение правого бедра с переломом. Три дня мальчик лежал без сознания. Когда пришел в себя начал соображать как выбраться. Все время нависали желтые ракеты, это были ориентиры наших войск. После ночных перестрелок снова потерял сознание на двое суток. Затем, очнувшись, стал кричать:

- Санитары! Санитары!

Я услышал голос. На заре побежал в штаб батальона. Встретил меня комбат майор Шаповаленко. Он не дал разрешение послать санитаров найти кричавшего. Он говорил, что это может быть голос противника, чтобы заманить и захватить "языка". Через ночь опять этот голос. Утром наши разведчики не нашли кричавшего. А через час курсант Федоренко сам здал себя автоматчикам.

Меня вызвали в штаб батальона. Ужас! Передо мной лежал живой труп. Истощенный до ужаса. А комбат шутя сказал:

- Товарищ военврач! Вот хозяин неизвестного голоса.

У Федоренко была страшно загрязненная рана на бедре.

Обработал рану, ввел противостолбнячную сыворотку. Ввел сердечные, наложил шины крамера на правую ногу. Накормил слегка, в основном напоил чаем.

По приказу генерала по реке Рэдя доставили Федоренко в Ясную Поляну. Генерал стал допрашивать раненного курсанта.

Генерал кричал на него:

- Негодяй! Скажи правду, сколько дней был у немцев?
О чем ты рассказывал немцам?

Открыв глаза, Федоренко ответил:

- Меня зовут Федоренко, я курсант московского училища.

Генерал посмотрел на меня и спрашивает:

- Что, он бредит?

Я ответил:

- Нет, он не бредит, просто недомогание! Во первых: он двенадцать дней не ел, с такой громадной раной, товарищ генерал, посмотрите какое глубокое истощение. Он даже не нашел воду попить.

Генерал отвел меня за ширму и спросил:

- Военврач, ответьте пожалуйста, может ли человек голодать двенадцать дней?

Я ответил:

- Да. Загрязненная рана, истощение - это доказывает. Уверяю вас, он не был у немцев. Поверьте мне.

После этого он больше не допрашивал его.

Генерал приказал мне самому отвезти его в ближайший госпиталь. Зайти к начальнику госпиталя и обо всем доложить. И лично от его имени попросить, чтобы работники КГБ не допрашивали его.

Я все выполнил, вернулся в часть.

Спустя два месяца, находясь на другом направлении, узнал, что первая ударная армия захватила город Старое Русса.

ОСОБОЕ ПОРУЧЕНИЕ

Северо-западный фронт. Сентябрь 1943 год.

Недавно освобожден город Демьянск. Долгое время наши войска держали немецкую армию в окружении. Называлось это битва "Демьянский котел". После освобождения города Демьянска, город лежал в развалинах, груды кирпича и церкви, как в Старой Русе и Великих Луках.

В близи города Демьянска был город Любинск, в котором располагался штаб тыла фронта.

Летом я служил младшим врачом гаубичного артиллерийского полка. Согласно новым штатам я попал в резерв фронта в город Валдай.

Однажды вечером наше общежитие посетил капитан из штаба фронта.

Всем резервистам - врачам велел построиться. Из строя вывел трех врачей (все были евреи). Капитан велел всем трем рано утром явиться в штаб тыла фронта в город Любинск к полковнику Заславскому - заместителю генерала, командующего тыловой частью фронта.

Утром 16 сентября 1943 года мы явились к полковнику. Он угостил нас чаем. Врачу Липману велел проверить полевые хлебопекарни (ПХП) 68-й армии во всех дивизиях и через три дня явиться с актами с подписями генералов дивизий.

Андросову приказали проверить санитарное состояние в одной ударной армии и через три дня привезти акты проверки.

Получив командировки они уехали.

Мне полковник велел остаться и приказал ознакомиться с важным документом секретного характера затем расписаться.

Как оказалось, это был секретный документ за подписью И.В.Сталина. Документ был написан собственной рукой Сталина (чернилами). Я мог свободно читать. В

документе указывалось, что ранее отданный приказ о порядке захоронения павших советских воинов и о восстановлении и приведении в порядок их могил у вас, выполняется неудовлетворительно. Далее предписывалось при захоронении обязательно указывать фамилию, имя и отчество павшего воина. Обязательно указывать его домашний адрес. Меня очень поразило, внизу было написано "Искренне к Вам Ваш И.Сталин". И подпись.

После ознакомления с этим документом меня направили в одну из дивизий 34-й армии.

Полковнику надо было ехать в 34-ю армию. Попутно он взял меня на свой "Дойч". Командующий 34-й армией генерал-лейтенант после рукопожатия с нами угостил нас обедом.

После чего ко мне был прикреплен офицер в чине майора.

Приехали на станцию Бор. Вместе с нами и прикрепленной к нам ротой солдат мы объездили расположение полков и посетили два госпиталя.

В результате нашей поездке были срочно реставрированы десятки отдельных могил и несколько групповых захоронений. Разумеется на этот раз с соблюдением всех установленных правил.

Десятки отдельных могил были заново обустроены фамилиарно и с указанием домашнего адреса. Но многие братские могилы остались пока без фамилий. К концу третьего дня я взял с собой акт за подписью генерала где была описана вся моя проделанная работа и прибыл в город Любинск, отдал все документы т.Заславскому, кроме этого я устно все рассказал.

За выполнение этого особо секретного задания, я получил от полковника Заславского благодарность.

Он просил меня об этом задании ни кому не рассказывать. Потому, что это было особо секретное задание.

МАТЬ ОПЕРИРУЕТ СЫНА.

В начале октября 1943 года, во время кратковременного затишья, полковых врачей различных частей Северо-западного фронта вызвали на трехдневный семинар по полевой хирургии, проходивший в эвакогоспитале близ небольшой железнодорожной станции Пола. Прибыл туда и я. Всего нас собралось около ста человек. Занятия на этом семинаре проходили непосредственно в палатах госпиталя, возле коек, на которых лежали раненые. Старые хирурги делились здесь своим опытом с нами, молодыми врачами и, конечно, вспоминали различные примечательные, часто драматические случаи из своей богатой практики.

Особенно мне запомнился эпизод, о котором рассказал нам один из участников семинара, (хирург с протезом на правой ноге.)

"В феврале 1942 года я служил в госпитале, находившемся близ линии фронта. Туда поступали раненые из батальонных медицинских пунктов, то есть из частей, стоявших на самой передовой, после оказания первичной медицинской помощи. Шевствовала над нашим госпиталем немолодая женщина-хирург, профессор Попова (к сожалению, забыл ее имя и отчество) из Москвы. Она делала сложные операции при ранениях в область груди и живота, а я часто ассистировал ей.

Однажды, когда она отдыхала после особенно трудной операции, к нам поступила новая партия раненых, один из которых был в чрезвычайно тяжелом состоянии - с осколочным ранением в живот. Не теряя ни минуты, его сразу же положили на операционный стол. Профессора Попову, не успевшую отдохнуть, пришлось вызвать, а я, как обычно, стал ей ассистировать. Раненому, лицо которого было закрыто марлевой салфеткой, сделали местную обезболивающую анестезию новокаином. Попова раскрыла ему живот, но операция шла трудно - раненому стало плохо,

он потерял сознание. Конечно, сразу же приняли неотложные меры, стали давать кислород, а для этого пришлось снять прикрывающую лицо салфетку. И тут же Попова узнала в этом раненом своего сына. Потрясение было столь велико, что она смогла только воскликнуть: "Боже мой! Это мой сын!" - и упала в обморок.

Заканчивать операцию пришлось мне, и общими усилиями нам удалось спасти этого парня. Он находился у нас на излечении более месяца, а когда встал на ноги начальник госпиталя предложил сыну из уважения к Поповой (которая к тому времени уже вернулась в Москву) после полного выздоровления остаться в госпитале в качестве санитаря, но он наотрез отказался. После выписки был направлен в одну из частей и после войны вернулся к матери которая спасла его после тяжелейшего ранения."

Вот о каком редчайшем случае мне пришлось услышать во время войны.

С РАНЕНЫМИ ИЗ ОКРУЖЕНИЯ

Я служил врачом стрелкового полка, 282-й стрелковой дивизии, который в декабре 1943 года воевал под Новгородом.

18 декабря вызвал меня начальник санслужбы дивизии капитан М.С. Степанов, и сказал, что для выполнения особого задания командование сформировало в нашем тылу отдельный лыжный батальон автоматчиков и я направляюсь туда врачом.

Я с вечера в батальоне. С раннего утра весь состав в белых маскировочных халатах быстрым темпом двигался изпод Кузьмино по доле озера Ильмень в сторону Новгорода. Тишина, в тоже время сильная метель и мороз.

Вдруг эту тишину прерывают взрывы дальнобойных орудий врага. Мгновенно все прижимаемся к земле. Лошади разбегаются по сторонам вместе с повозками. Начинает нарастать шум, крик и стоны раненых. 2-е убитых, 10 тяжело и несколько легко раненных. До передовой оставалось еще далеко. Из головного передали - "передайте военврачу: немедленно госпитализировать тяжелораненых, куда угодно поблизости, и немедленно вернуться на поле боя". Состав двинулся, взяв с собой легко раненых и убитых.

Пришлось мне со своими подчиненными оказать только первую помощь всем раненым.

Погрузили их на собачьи волокуши, при ужасной метели не знаем, куда двигаться. Собаки, понюхав, нашли дорогу. С трудом нам удалось отыскать один госпиталь, мы сдали всех 10-х раненых и к полудню вернулись на поле боя.

Правда я 4-й раз на поле боя но такой ужас видел впервые. Выстрелы даже шрапнелью, даже из "Андрюш" (немецкая катюша), крики - "санитар, санитар, воды...". Мы нашли удобное место, санитары начали стаскивать тяжелораненных ко мне. Я оказывал врачебную помощь, каждому даже заполнял карточку передового района. К этому

времени в 8 километрах от нас установили ПМП (полковой медпункт).

Саперы и музыканты организовали вынос и захоронение погибших с поля боя. Потом выяснилось, что было допущено много ошибок. В братские могилы попало много солдат, имевших документы с именами и фамилиями в карманах.

За 4 дня мы продвинулись на 8 километров, затем мы попали в полное окружение врага.

Целый месяц на нашем фронте не было продвижения вперед. И командование решило отдать один батальон на смерть, что бы он воевал в тылу врага до конца, привлекая силы врага к себе и тем самым дать возможность одной из соседних армий двинуться вперед.

8 дней и 8 ночей шли ожесточенные бои, несмотря на то, что мы ничего не ели 6 дней и воды тоже не было. Бой шел на сопке Самагарика-Касалапика.

В один напряженный момент почтальон принес письма. Из 200 названных 70 оказались погибшими.

Батальон потерял храброго капитана Кавуна. А я, из санвзвода 2-х санитаров: Абажанова и Маргиева. Отправленные мною в последний рейс собачьи волокуши не вернулись. Мы 4 дня в полном окружении.

На 8 день бои затихли. Из личного состава осталось меньше половины. Остатки батальона получили приказ пробиваться к своим. Однако о нашем медвзводе (где находилось много неподвижных раненых) как то забыли. Мы находились на сопке с 17-ю ранеными.

С вечера мы заметили, что наших желтых ракет на линии фронта не видно. У нас не было возможности укрыть всех раненых "конвертами".

У меня был храбрый санитар Негодов (грек). Я поручил ему пойти в штаб батальона. Он вернулся и доложил, что нет наших автоматчиков в их окопах и блиндаж штаба пустой. Это было посреди ночи. Убедившись, что мы

остались одни и линия фронта открыта мы стали перетаскивать раненых в "теплый" блиндаж штаба батальона. Сами взяли автоматы раненых и заняли вокруг блиндажа оборону, надеясь, что наш батальон заменит другая часть.

Не прошло и часа, наши из тыла начали поддерживать нас минометным огнем. Нам стало ясно, что они добрались к своим и дают нам сигнал к выходу и одновременно прикрывают, чтобы враг ничего не знал.

Я подумал, зачем ждать утра, на нас точно нападут, лучше выходить сейчас и быстро. Со мной согласился старшина Супруненко, участник финской войны и санинструктор Барышников (далее он погиб в Германии от древесного спирта). Стали выводить раненых наружу. "Что вы делаете с нами, тащите наружу, где ваши волокуши, где наши автоматы, вы все бессовестные, отправьте нас быстрее". Мы их успокоили, стали тащить подруки, тяжелых на плечах. Двое тяжелораненных в живот умерли в блиндаже. Осталось 15. С полуночи, старась не шуметь, мы стали двигаться ползком по ледяному снегу в сторону фронта. Пойдя километр, мы перебрались через ледяную реку. Возле реки мы заметили сарай, в котором спали трое немцев, мы стали пробираться еще быстрее. Пройдя еще метров 200 мы нашли своих. Это было уже под утро. Раненых окружили автоматчики стали угощать сухарями и сахарным песком. Спустя два часа приехал на санях зам. командира дивизии полковник Черняев и старший врач нашего полка М.С.Кудрявцев. Они сперва допросили всех раненых и моих подчиненных, убедившись в том, что в тылу врага раненых не осталось, полковник Черняев хлопнул меня по плечу и сказал: "Спасибо тебе, кавказский парень, ты не только сам спасся, но и спас доверенных тебе раненых!"

На утро всех раненых я сам взял в наш МСБ-ат прямо не побрившись. Меня обнимал почти весь состав медсанбата (все врачи, санитары, все медсестры и шофера). Затем я побрился прямо в кабинете начсандива Стапанова, и

рассказал ему обо всем. И получил пока благодарность. Затем вернулся в санроту своего полка. Потом узнал о том, что батальон выполнил задание. Наша 34-я армия пошла вперед. Позднее, находясь в Латвии за эти бои меня наградили орденом "Красной Звезды".

ПОГРЕБЕНИЕ ЖИВЫХ ДЕТЕЙ

В декабре 1943 года часть, в которой я служил, преследуя врага, вошла в село Городищи, находившееся вблизи Старые Руссы. Немцы ушли оттуда накануне вечером. Перед отступлением они подожгли дома, и развалины их еще продолжали тлеть и дымиться. Из недалекого леса стали выходить скрывавшиеся там жители. Оборванные, с опухшими лицами, они смотрели на обугленные остатки своих жилищ и с отчаянием спрашивали друг у друга и у нас, куда же им и их детям деваться в эту морозную зиму. Многие, особенно женщины, рыдали.

Обычно, приходя в какой либо освобожденный населенный пункт, мы делились с изголодавшимися жителями своими продуктами - хлебом, сахарным песком и др. И жители всегда с благодарностью принимали эту помощь, прежде всего ради детей. Но на этот раз люди отказались от продуктов. Они повели нас на окраину села. Там среди заснеженного поля в одном месте чернела совсем недавно выкопанная земля. Жители рассказали, что это кое-

как зарытая могила. Немцы накануне вечером перед уходом из села привели в это место несколько семей евреев - мужчин, женщин и детей, захваченных в соседних селах. Мужчин заставили вырыть могилу, после чего всех взрослых расстреляли, а детей живыми бросили в яму, которую затем поспешно засыпали землей. Заживо похороненные дети в этой могиле погибли.

Мы тут же раскопали это страшное место и убедились в том, что все рассказанное правда. На телах мертвых детей не было огнестрельных ранений, они были именно похоронены заживо. Жители села, стоявшие рядом с нами, плакали. Плакали и мы. Солдаты и офицеры, даже повидавшие с начала войны немало страшного, не могли здержать слез. А затем на этом же месте состоялся короткий митинг, на котором мы дали клятву без пощады бить врага, заставить его расплатиться за все совершенные преступления.

Страшную картину, увиденную на окраине села Городищи, я не забуду никогда.

ГЕНЕРАЛ И ЕЗДОВОЙ

Наш командир 282-й гвардейской дивизии генерал Белобородов был очень строгий и энергичный человек.

Последние годы службы он командовал Московским, областным военным округом.

В марте 1944 года наша армейская газета "Патриот Родины" напечатала о нем быль.

Ехал наш генерал на передовую. День был ясный, тихий, небольшой мороз. Вдруг отказала генеральская машина "дойч". Американское командование подарили такие машины каждому советскому генералу.

Сопровождающие его военнослужащие стали помогать шоферу ремонтировать машину.

Генерал ждать не стал, пошел пешком, сказав:

- Догоните меня !

Не пройдя и двести метров с правой, узкой дорожки выехали сани.

- Эй, солдат! Остановись, возьми меня. - Просил генерал.

На нем был полушубок, генеральская папаха.

- Батько, не возьму, иди своей дорогой! - Ответил ездовой.

Он не узнал своего генерала.

- Прошу тебя, я же пожилой. Не дури солдат!

- Разве не знаешь, нельзя. Не возьму и все!

- Не хочешь брать, езжай отсюда - сказал генерал.

Ездovому стало жалко солдата (генерала). Он остановил сани и позвал генерала.

- Не плачь, садись, довезу только до деревни.

Проехали немного. Ездovый повернулся, посмотрел на генерала.

- Эх! Морда какая! Браток, хорошо сохранил себя. Наверно на складах работаешь, а..?

- Так точно - ответил генерал. Он вынул из кармана пачку папирос "Казбек" и протянул ездому. Ездовой взял только две папиросы, остальные вернул.

- Я не ошибся - сказал ездовой - даже наш старшина Федоров такие папиросы не курит.

Проехав около двух километров ездовой издали увидел свое подразделение. Он остановил лошадь и строго приказал:

- Ну дяденька, слезай быстрее, а то старшина увидит нас и даст жару тебе и мне.

Генерал слез и подозвал к себе солдата. Откинул воротник своего полушубка. Солдат задрожал и стоял перед ним как вкопанный.

- Простите товарищ генерал, ей богу я не узнал вас, прости меня батька!

- Ну ничего, бывает! Ты молодец, так и надо. Скажи Федорову большое спасибо, это от меня.

ЕЕ ЗВАЛИ МАРИЕЙ

Апрельские дни 1944 года наша 282-я стрелковая дивизия несколько дней шла вдаль от линии фронта, чтобы попасть в один действующий корпус.

На одном из перевалов в нашу санроту дали пополнение, - несколько девушек, присланных из тыла. Среди них более грамотной и энергичной была Таргашева Мария Сергеевна (Татарская АССР, Болшитарханский район, село Угрюм) низенького роста, смуглая, в возрасте пятнадцати лет.

В первые дни на ее размер даже ботинки не нашлись, ходила босиком, настаивали сесть на повозку, она отказывалась. Говорила, что этого еще не заслужила. Дома у Марии никого не было, кроме старшей сестры.

Скоро перешли в бой, всех нас удивляла ее выносливость. Ее зачислили к нам санитаркой. Неустанно работала - ухаживала за больными, ранеными, неустанно находилась у их постелей, читала им газеты, журналы, письма присланные из дому, иной раз сама писала от имени раненых и больных. Стала изучать медицинское дело - делать уколы и другое. За активность ее выбрали комсоргом нашей санроты.

За короткое время она завоевала авторитет среди всех комсоров полка, вплоть до замполита полка.

Пять километров от нас впереди, на передовой линии от санроты полка находился передовой медпункт. Каждый вечер от нас там дежурил врач, сестра и один санитар. Во время единичных перестрелок со стороны врага, были тяжело раненые. Чтобы найти раненого на поле боя хоть днем, хоть ночью санитарам приходилось ползком искать раненых и тащить в медпункт. Именно в этих операциях Мария более энергично показала себя.

Однажды я с Марией возвращался с передовой, сперва по траншее каски на голове, затем немного ползком, чуть подалее от снайперов врага. Не доходя до конца траншеи

мы попадали под минный обстрел. Наверное немцы нас заметили. Пришлось укрываться в одном окопе. Я чувствовал, что в отличии от других сестер и санитаров, Марии вовсе не страшно. Она добавила слова Ильи Эренбурга:

- На войне о смерти не говорят.

Оставалось девять дней, наступать нам на Латвию. Мы стояли на сопке Каменка, село Пушкинское, на берегу реки Лават.

10 июня 1944 года Мария готовилась пойти на дежурство, на передний пункт. Мария пришла ко мне и говорит:

- Товарищ военврач! Завтра я вернусь, чтобы у вас была заметка для стенгазеты.

Такого рода поручения она дала еще парторгу санроты ездовому Ситникову.

Почему-то она на этот раз со всеми прощалась. Я и Ситников решили проводить ее до той стороны сопки. Солнце стояло на закате, хорошо освещало нас. Этот раз мне показалось, что она сейчас красивее всех на свете. Простились рукопожатием.

На следующий день ровно в это же время и на этом же месте мы нашли ее мертвой.

Ночь у них прошла тихо. Перед тем, как возвращаться она стала прощаться со всеми парторгами вплоть до зам командира полка по политчасти.

Ночью дежуривший с ней на переднем пункте командир санроты нашего полка Ахмедов Зейнал спросил ее:

- Мария, куда ты спешишь, подожди немного, вместе пойдём.

Она не стала ждать, все торопилась предьявляя пропуск. Над рекой Лават тоже торопилась, позже говорили нам постовые. Дошла к нам до того места, где вчера прощались. Когда она поднималась на сопку, шел адъютант командира полка, они говорили одну минуту. Как-то немцы

издали заметили человека на сопке и бросили только один снаряд. Осколок попал ей прямо в сердце. Аджутант прыгнул в овраг, она не успела.

Взрыв только одного снаряда нас сильно волновал, стали перебегать на ту сторону сопки, застали ее мертвой.

На следующий день при участии всех комсоргов полка, под музыку состоялись похороны. Нам трудно было расставаться с этой сиротой, девушкой, активисткой нашей санроты, членом ВЛКСМ.

*Гв. Капитан Ш.Г. Шаулов.
Командир медсанроты 374- полка. Германия.*

МОЯ ПОСЛЕДНЯЯ ВОЕННАЯ НОЧЬ

В последние дни войны я служил командиром 328-й СП 104-й СД, стоявшем в небольшом немецком городке Швайднец. Именно там 9 мая 1945 года, мы получили, к нашей великой радости, долгожданное известие о Победе, об окончании долгой, кровопролитной войны.

Но, как оказалось, тому полку, где я служил, и всей нашей дивизии, пришлось немного повоевать. Дело в том, что мы получили приказ срочно двигаться в сторону Чехословакии. Дорога туда шла через Судетские Альпы. И хотя германское командование уже издало приказ о безоговорочной капитуляции, эсэсовские части, засевшие в горах, продолжали упорно сопротивляться, тяжелые бои с противником, с применением артиллерии, танков и авиации продолжались всю ночь. Наши войска, сражавшиеся в темноте, несли серьезные потери, так, что всему нашему медперсоналу, в том числе и мне пришлось немало потрудиться для спасения раненых и оказания им первой помощи.

Бой затих только с рассветом. Десятого мая над нами на небольшой высоте медленно пролетел дирижабль, из кабины которого на немецком языке звучало обращение к немецким солдатам и офицерам:

- Братцы немцы! Хватит сопротивляться, сложите оружие, мы проиграли.

После этого обращения от наших солдат и офицеров всей армии большое "УРА!" Солдаты и офицеры всей армии долго обнимали и целовали друг друга от души. Мы на горах, кругом сопки покрытые снегом. От громкого "Ура" получилось эхо. Было пять часов утра 10 мая 1945 года война кончилась. Стали спускаться по альпийским горам в сторону Чехословакии. Справа и слева немецкие войска стоят головой и штыками вниз отдельными группами. Только на рассвете спустились с горы и стали двигаться в сторону города Гронов. Везде брошенное немецкое оружие всякого вида и

тысячи мотоциклов. Немцы, убежавшие на Запад возвращаются на своих громадных фургонах на которыми висит белый флаг.

На одном из наших фургонов спала усталая медсестра Анечка. Когда проснулась от крика горожан Гронова "Наздар, наздар" (привет). Она села смотреть. С балконов стали кричать: русская девушка. Бросали ей много цветов и сладостей.

На чехословацкой земле население встречало нас с музыкой и цветами. Так мы дошли до города Гронова, где и закончился наш марш. А по дороге наша часть освободила из немецкого концлагеря большую группу заключенных разных национальностей. И вот что я там увидел. Нам показали подвал, где стояли станки, с помощью которых изготавливалась ткань сотканная из волос заключенных женщин. Скатерть изготовленную таким бесчеловечным способом, я сам лично держал в своих руках.

Война, унесшая десятки миллионов человеческих жизней, закончилась нашей полной победой.

10 мая 1945 года для меня явилось единственным радостным днем, который не каждому посчастливилось видеть.

СЛУЧАЙ НА РЕКЕ ОДЕР

Февраль 1945 год. Германия. Это было к вечеру. Мороза нет, слегка падает снег. Спеша переходим реку Одер. Широкая река, немного меньше Дуная. Для перехода сделан мост из соединения нескольких лодок, вроде парома. Большое скопление всяких частей. Кругом обстрелы из всех видов орудий. Над нами маневрируют "Миссершмиты".

Я со своей частью только что хотел вступить на "паром", слышу вблизи вызывают меня:

- Военврач, подойдите сюда! - крикнул один из офицеров, (два майора и полковник).

Полковник вынул пистолет из кобуры и взвел его перед моими глазами. Со злобой на лице крикнул на меня:

- Ты из какого полка?

- Со второго, - ответил я. Ознобило меня, ноги дрожат, холодный пот по спине. Пистолет нацелен на меня.

- Говоришь, со второго полка? - Хорошо проверим.

Он положил пистолет в кобуру. - Посмотри, в этом большом доме скопилось много раненых. Они все из третьего полка. Мобилизуй своих быстрее, окажите им помощь.

Я сказал:

- Будет сделано, товарищ полковник, только найду своих.

Быстрым ходом подошел к третьей лодке, нашел своих, взяв одну медсестру и двух санитаров зашли в дом.

До утра занимались ранеными. Утром одного санитаря поставил на мост. Ждали появление нашего медсанбата. Как он появился я сообщил и показал дом с ранеными. А сами, втроем, стали удирать, искать свой полк. Это нам удалось только к вечеру с большими трудностями.

Возникает вопрос:

- Если бы я ответил полковнику, что я из третьего полка, тогда как бы он поступил с заряженным пистолетом в руках?

КОРОТКО О НАШИХ ТРАДИЦИЯХ

Везде, где бы мы не находились, чувствовали себя членами одной семьи. Все радости и горести делили между собой.

Всегда помогали отстающим.

Старались всегда держать связь с родственниками из тыла.

Никогда не обижали друг друга.

В блиндажах, в минуты отдыха и частых походах, пели фронтовые песни. Этим успокаивали свои души.

Был приказ командующего фронтов: "Любая автомашина на дорогах и перекрестках должна была взять на борт любого нашего солдата".

Отрываясь друг от друга, всегда держали связь через письма.

В ЧЕМ ПРЕДВИДИЛИ МЫ ПОБЕДУ

В мире, в истории всех воин, впервые, именно на этой войне, Великой Отечественной, вся огромная страна поднялась на защиту своей Родины.

В единой борьбе, в единстве и дружбе народов вокруг своей партии.

Тыл и фронт всегда были вместе. Без сильного тыла не было бы Победы.

Главное - у нас была вера, что Победа за нами, что дело наше правое.

ЕДИНСТВЕННАЯ СПРАВКА

После войны стоял основной вопрос - демобилизация. В первую очередь солдат и офицеров старших возрастов, раненых и больных.

В нашей дивизии вскоре после Победы была организована комиссия по демобилизации. Из нашего полка участвовал я. Как говориться долгожданный момент.

В порядке очереди подошел один молодой солдат по имени Михаил Гофман. Спрашиваем:

- Ты молодой, здоровый по виду, за чем пришел?

- Нет , я тяжело ранен.

- Покажи справки, какие есть.

- У меня нет ни одной справки. Снял рубаху, показал нам большой, длинный шрам на левом боку.

В медицине этот рубец известен под именем ученого Израиля. Значит удалена почка.

Заново стали спрашивать, где же справка о ранении. Он стал рассказывать:

- Получил тяжелое ранение в живот и потерял сознание, очутился в госпитале. Удалили у меня почку, а лежал месяц в Германии перед победой. Затем дали мне документ о демобилизации. Должен был вернуться в часть, взять свои вещи, попрощаться с командирами и однополчанами. Ночевал одну ночь. Наша часть попала в блокаду. Полк должен был выбраться из окружения. Я танкист, танковый батальон пошел в атаку, я тоже. Мы были на грани смерти. С трудом вышли из окружения. Так захотелось курить, но не осталось бумаги, кроме документа о ранении. Пришлось его потратить.

Мы, врачи поверили ему, и стали проверять действительно ли удалена почка.

Включили его на демобилизацию.

БУДАПЕШТ

До Победы и два месяца после дня Победы мы находились в Германии. Затем первая ударная армия была переброшена в Венгрию. Мы нашли время посмотреть Будапешт. Затем долго были в городе Сегеди. Потом снова Будапешт, жили на окраине города до лета 1946 года.

Будапешт разделен на Буду и Пешт самой большой рекой Европы Дунаем. Длина Дуная 740 километров, ширина местами 1-1,5 километра. Самое узкое место Дуная 0,8 километра - это в Будапеште. Над Дунаем были три огромных моста, это они соединяли Буду и Пешт. Возраст этих мостов более трехсот лет. Средний мост фашисты разрушили и потопили со стороны Буды. Советские войска после Победы этот мост восстановили. Настал день открытия моста. Весна, яркий, солнечный день. Толпы людей торопятся в сторону моста. Я подошел со стороны Буды. Капитану - врачу медслужбы, пловцу Файзулину было поручено установить мировой рекорд - стокилометровку. Плыл он по течению Дуная. Финиш должен был состояться у моста в момент его открытия. Сто километров за семьдесят два часа без отдыха. Его сопровождала лодка с двумя людьми. Они следили за плывущим, кормили его разными жидкостями, бросая ему бутылку в которой было это питание.

Мы видели Файзулина издали ровно через 72 часа после старта. Он поднялся на мост. Файзулина поздравили с рекордом. Затем начался митинг на русском и венгерском языках.

С обеих сторон, со стороны Буды и Пешта разрезали ленты.

По мосту началось движение машин, трамваев. Венгерский народ ликовал. Они глазами с дружественными чувствами, чувством благодарности смотрели на советских солдат - победителей. Утром это событие было опубликовано во всех русских и венгерских газетах.

ВРУЧЕНИЕ ФЛАГА

Спустя месяц после дня Победы, мы еще стояли в Германии в городе Гинденбург.

На окраине города громадная поляна с зеленой густой травой. С четырех сторон поляны были высокие сопки с березами. У подножья лесов - по краям поляны маленький ручей с чистой, холодной водой. До чего красиво и живописно. В лесах видели маралов и джейранов, они не подходили к людям но не боялись их. В прекрасный, солнечный день, ровно в два часа дня выстроили всю нашу дивизию. Все были одеты празднично, нарядно. Все флаги были вынесены на парад. Отряды нашей дивизии занимали почти всю поляну. Ожидали гостей. При освобождении Чехословакии мы взяли город Гронов. Вот сегодня они и приехали подарить нам свой национальный флаг. Под музыку и с цветами состоялся парад. На трибуне представитель Чехословакии приветствовал нас. Состоялся митинг. Затем на открытой поляне большой банкет с участием всех офицеров.

ВСТРЕЧА ДВУХ БРАТЬЕВ

Это случилось 15 октября 1945 года в городе Сеглед-Берцеп (Венгрия).

Мой младший брат Шаулов Ирмия Суин 1926 года рождения, в конце 1942 года добровольно ушел на фронт. Служил в составе 9-й авиадесантной гвардейской дивизии. На его счету семь прыжков с парашютом в тылу врага в Венгрии.

За этот подвиг он заслужил две медали и один орден "Славы" трех степеней - третий за взятие города Папы, в составе семи разведчиков.

За три года службы, он не написал ни одного письма домой, ни мне. Мы все за него очень беспокоились.

Вдруг, когда я находился в лесах пригорода Будапешта, получаю письмо от старшего брата Натана, о том, что он жив и находится где-то недалеко от меня и написал номер его полевой почты - 71627.

Я был очень рад, когда узнал, что он в нашей армии, что мой брат жив. Все вместе со мной радовались.

Но моя радость была омрачена. Оказалось, что бэндэровцы находились в наших лесах. Они хотели на этом участке "задушить", уничтожить нашу армию.

14 октября 1945 года наша часть весь день находилась в состоянии боевой готовности.

После отбоя, командир полка, подполковник Леонов, дает мне командировочное предписание, что гвардий капитан медслужбы Шаулов Ш.Г. командировается в город Будапешт, для разыскания своего родного брата. Срок командировки - три дня.

На заре 15 октября приехал в Будапешт. Через главпочтамт Советского Союза я нашел его место службы.

Семен Гаврилович - мой брат, был в чине старшего сержанта, на должности старшины полка. Ему донесли, что к нему приехал "земляк". Был полдень 15 октября 1945 года. В его палатке собрались его товарищи - разведчики и их

командир старший лейтенант.

Зашел в палатку, Семен долго смотрел на меня. В начале он меня не узнал. Потом вдруг понял, кто я, подошел обнял меня. Мы обнимались, целовались. Не устояли на ногах и упали на песок. Мы плакали от радости. Слезы были и на глазах окружающих его друзей. В тот же день старший лейтенант пригласил нас на прием к командиру полка герою Советского Союза. Нас угостили чаем. Рассказали о подвигах семерых автоматчиков и в числе их о моем брате. После этого, по нашей совместной просьбе, командир полка сказал:

- Подумаю, или он поедет служить ко мне, или я приеду работать сюда врачом полка.

Моего брата отпустили на девять дней ко мне в гости. Мы попрощались с ними и вышли из песочных лагерей.

Покидая полк почтальон вручил брату письмо. Это письмо было от Натана.

Покинув войсковую часть мы сели около родника на густой зеленой полянке, и стали читать письмо. Натан писал:

"Брат мой, Семен! Прочти письмо внимательно. Правда, Шаул тоже находится в Венгрии. Тебе его искать не надо. Он офицер, он быстрее тебя найдет. Жди..."

Стемнело. Около железнодорожной станции мы ночевали у одного венгра. Но мы всю ночь не спали, мы оба рассказывали о себе. Я немного говорил по венгерски и хозяева тоже слушали нас, когда узнали, что я нашел родного брата.

Утром на следующий день приехали в Будапешт. Сразу пошли сфотографировались. Послали фото домой, брату Натану, сестре Хибо и в Баку дяде Пинхасу.

Затем приехали в мою часть, в лесах Будапешта. Я представил брата командиру нашего полка и начальнику штаба. Этот приказ оказался у нашего командира полка. А я привез с собой этот же приказ.

Я сохранил даже газету Дня Победы. Там в одной статье было написано: "После войны, если встретятся брат с

братом, сын с отцом или брат со своей сестрой, они имеют право служить вместе. Точнее один из двух должен взять другого к себе."

За эти девять дней, что брат гостил у меня, все офицеры полка и офицеры других полков познакомились с моим братом. Поздравили его, узнав о его подвигах, увидев на его груди орден "Славы" и другие боевые награды.

В армейской газете "Патриот Родины" была статья "Встреча двух братьев".

По окончании срока его гостевой командировки по договоренности двух полковых командиров снова поехали в песочные лагеря. Брат попрощался со всеми офицерами полка и со всеми своими товарищами. Мы вернулись в Будапешт.

А кстати говоря, офицеры его полка сопротивлялись, не хотели его отпускать из части. Они говорили, он наш кормилец. Только после вмешательства командира полка мы покинули песочные лагеря.

Я своего брата зачислил санитаром санроты полка.

После того, как меня демобилизовали, а это было в июле 1946, мой брат служил еще три года кадровым авиадесантником. Сначала старшим сержантом, затем старшиной, после офицером. Демобилизовался лейтенантом в 1948 году.

Женат, имеет пятерых детей, внуков, правнуков.

В настоящее время живет в Америке.

2 брата в одной сапороге 354-го зв. Полка. В лесах Будапешта. Слева стоит Ирмия Суин.

Встреча 2-х родных братьев 15 октября 1945-года в Бухаресте.

Справа рядовой десантник: Ирмаи Суви.

МОГИЛА ВО ДВОРЕ

Это случилось в 1946 году в городе Острове Псковской области.

Гвардейская авиадесантная дивизия, где служил мой брат, стояла на окраине города. Семену предстояла демобилизация.

Вечером, после увольнения, после прогулки возвращался в часть.

На крайней улице стояла большая очередь за женской обувью.

- Товарищ сержант, купите пожалуйста мне обувь. Вот деньги, вам дадут без очереди - таким нежным голосом просила эта молодая женщина. Семену неудобно было отказывать. Семен, купив ей обувь вернул сдачу, хотел скорее вернуться в часть, потому - что опаздывал.

- Сдачу оставьте себе - ласково говорила женщина. Но брат вернул ей деньги. - Какой ты добрый, спасибо тебе. Мне тоже идти по этой же дороге, вот мой дом, недалеко. Ты такой молодой, у тебя ордена на груди. Успел воевать. Да?

- Так точно, - ответил Семен.

Стемнело, и по этой грунтовой дороге шагали только они двое. Кругом тишина.

Подошли к одной улице. На этой улице только одноэтажные дома. Женщина уговаривала Семена зайти отдохнуть, попить чаю. Семен отказывался. Она нежным голосом упрашивала:

- Зайди, видишь в окошке, сидит дочка, что-то пишет.

Семен подумал и моментально решил зайти.

А сам думал, - "Чего бояться, война кончилась, войсковая часть близко. Выпью чайку и уйду".

- Правда у нас тесновато, небогато живем, - говорила она провожая его в комнату.

Семен удивился тем, что этой девчонке, что сидела у окна, можно было дать лет сорок. Куда-то она вдруг исчезла. У Семена возникло подозрение.

В первую минуту Семен решил удрать. В это время зашла хозяйка и начала закрывать окна. Семен говорит:

- Я сейчас в коридоре сниму обувь и прииду обратно.

- Руки вверх, молодой человек, - закричала она держа в правой руке пистолет. Руки у нее дрожали. Левой рукой она показала на дверь. - Ты в плену! Ну-ка быстрее во двор.

Семен хотел побежать к воротам, но она закричала:

- Правее по тропинке. Не торопись, а если шутить будешь, пушу тебе пулю прямо в голову. У Семена закружилась голова, потемнело в глазах не хватало сил поднять руки, не мог двинуться с места.

Как молнии полетели мысли о прошлом, о завтрашней поездке домой.

В это время она кричала:

- Зайди в подвал.

Этот крик привел его в чувства. И мысль затрепетала, как выбраться из беды?

Когда Семен зашел в подвал, он увидел там солдатские шинели, сапоги, ремни, чемоданы, сумки. Хозяйка приказала взять только лопату и подняться на верх. "Малейший крик, убью."

Во дворе было совсем темно. Хозяйка повела к могиле, которая находилась во дворе. Парень начал копать.

Земля была твердой, руки у Семена дрожали. Докопал до мертвеца. Хозяйка тихонько говорила:

- Сними у нее все золотые вещи с шеи, с ушей и дай мне. Быстрее.

Во дворе стало еще темнее. Вдруг Семена осенило. Он снял все золотые вещи и вместо того, чтобы отдать все ей в руки, он все бросил в сторону. Хозяйка мгновенно бросилась за золотом, а Семен ударил ее тяжелой лопатой по шее, она упала вся в крови. Семен не теряя времени побежал к калитке, но она была закрыта. Побежал к дому, а там он увидел, что у дома сидят мужчины. Тогда побежал к забору. А это деревянная стена и сверху колючая проволока. Но

Семен перелез через него порвав брюки. Побежал в милицию, сообщил о случившемся. Милиция быстро подъехала к дому и окружила его. Сразу арестовали ту девушку и трех мужчин. Хозяйка была еще жива. В больнице она созналась во всем и скончалась.

Семена положили в больницу. Из округа, из самой дивизии посетили его два генерала. Они принесли цветы и подарки.

После выздоровления, во время дивизионного осмотра, прямо перед строем Семену вручили благодарность за проявленное мужество.

После демобилизации двадцать пять лет проработал начальником гражданского аэропорта в городе Куба АзССР. Одновременно преподавал в школах Кубы и Красной Слободы, вел уроки МПВО.

МЕЛКИЕ ЭПИЗОДЫ

Мама, я боюсь

С 18 августа 1943 года по 25 августа на правом берегу реки Редья наши войска вели ожесточенный бои за освобождение города Старая Русса.

На левом берегу реки, в полдень, на плащпалатках занесли ко мне в блиндаж двух тяжелораненых.

Я работал с медсестрой Дусей Соловьевой и еще с двумя санитарями. Вдруг я услышал громкий голос мальчика. Слышали эти и мои помощники. Я выскочил из блиндажа и вижу - от линии фронта бежит семнадцатилетний мальчик и кричит "Мама я боюсь, мама я боюсь".

За ним бегут два офицера. На крик собрались и тыловики нашего батальона. Я вернулся к своим делам - спасать солдат.

Игорь был новым добровольцем, от страха бежал с поля боя. На катере он переправился с двумя ранеными бойцами на эту сторону реки. Разразился скандал между офицерами, которые бежали за ним и тыловиками. Два боевых офицера вынесли приговор - "расстрел". Тыловики настаивали - "не стрелять". Мальчика - добровольца поставили лицом к дереву. Два солдата стоят и ждут приказа "стрелять". Мальчик упал в обморок. Вызвали меня. Я прибежал с сумкой с лекарствами и вывел его из обморочного состояния. Тыловые офицеры отправили его в тыл нашей дивизии.

Письмо в село

Один храбрый русский парень из нашей дивизии был разведчиком. За два года он поймал двадцать "языков".

В августе 1944 года он был удостоен звания "Герой Советского Союза". Он знал, что ему дадут отпуск. Он заранее написал письмо жене.

"Здравствуй, жена. Я только что выписался из госпиталя. Мне отрезали правую ногу. Скоро приеду домой. Тебе пока не надо мне писать".

Жена волнуется, получив такое письмо. Муж приедет с одной ногой. Какая будет у меня жизнь.

Получив звание Героя Советского Союза через месяц пишет второе письмо.

"У меня началась гангрена, мне отрезали вторую ногу. Скоро приеду".

Получив второе письмо жена уходит из своего дома. Переселяется к родителям с одним ребенком и думает выйти замуж за другого. Ей все говорили: "Не спеши, пиши ему письма. Жди его приезда. Затем будешь решать, если то, что он написал - правда". Но она никого не послушала и вышла замуж.

Через две недели разведчик приехал домой. Но его дом был закрыт. Пошел к родителям. Они все ему рассказали. В тот же день он пошел в сельский клуб на танцы. Зашел и попросил односельчан разрешить танцевать ему одному. Жена была там со вторым мужем. Когда она его увидела, упала в обморок.

После месячного отпуска он вернулся в часть. Однажды он всю свою историю рассказал начальнику штаба нашего полка.

Наша часть в это время находилась в Эстонии.

Котелок воды

Суровые, февральские дни 1943 года. Мы стояли под Псковом.

Луна светит, ужасный мороз. Завтра в бой.

Ночью вызывает меня комбат.

- Товарищ военврач, личный состав надо купать перед боем.

Приказ надо выполнять.

Развели костры. Из ОВС привезли в срочном порядке дез-обработанное белье. Каждому бойцу дали по два котелка горячей воды. В полночь бойцы на белом снегу искупались в двух котелках воды. И все, это была баня.

Утром пошли чистые в бой.

РАССТРЕЛ СОЛДАТА

Октябрь 1944 год. Наш эшелон проезжал Западную Украину. В одном из батальонов служили два брата. Они были родом из этих мест.

День был солнечный и холодный, снега не было. В полдень наш состав остановился около одного населенного пункта. Начальник эшелона еще до остановки объявил, что поезд будет стоять три часа, а может больше.

Старший из двух братьев не отпрашиваясь ни у кого и не сказав младшему брату, незаметно ушел в свое село, к своим родным.

Дома была радостная встреча с родителями. Они расспрашивали его о втором сыне, на сколько он заехал. Но сын молчал, задержался на один час.

В это же время состав задерживался только из-за отсутствия одного солдата. Офицеры с помощью младшего брата узнали что рядом их село. Старшего брата привели к эшелону. Родителям не разрешили проводить сыновей.

Старшего брата отдали под трибунал.

Весь личный состав полка вывели из вагонов. Построили. Молча стояла колонна военнослужащих. Все ожидали решения трибунала.

Полковник приказал не выпускать из вагона младшего брата.

Старшего брата расстреляли перед строем. Его даже не хоронили. Трое суток состав двигался дальше. Я дежурил в вагоне где ехал младший брат. Делал все, но не мог вывести его из шокового состояния.

Когда он проснулся, он зарыдал и неделю мы не могли его успокоить.

ГЕНЕРАЛ МОЛЧИТ

Апрель 1943 года. Северо-западный фронт.

Я взял из штаба фронта направление в штаб 68-й армии, что на станции Едрово, на новую должность.

Солнечный день, в штабе оживление. Спрашиваю: "Товарищи офицеры, в чем дело?". Ответили, что поймали немецкого генерала.

Вижу, ведут немецкого генерала и еще двух офицеров к нашему генералу. Пленный генерал не стал отвечать на вопросы адъютанта и стал ругаться матом.

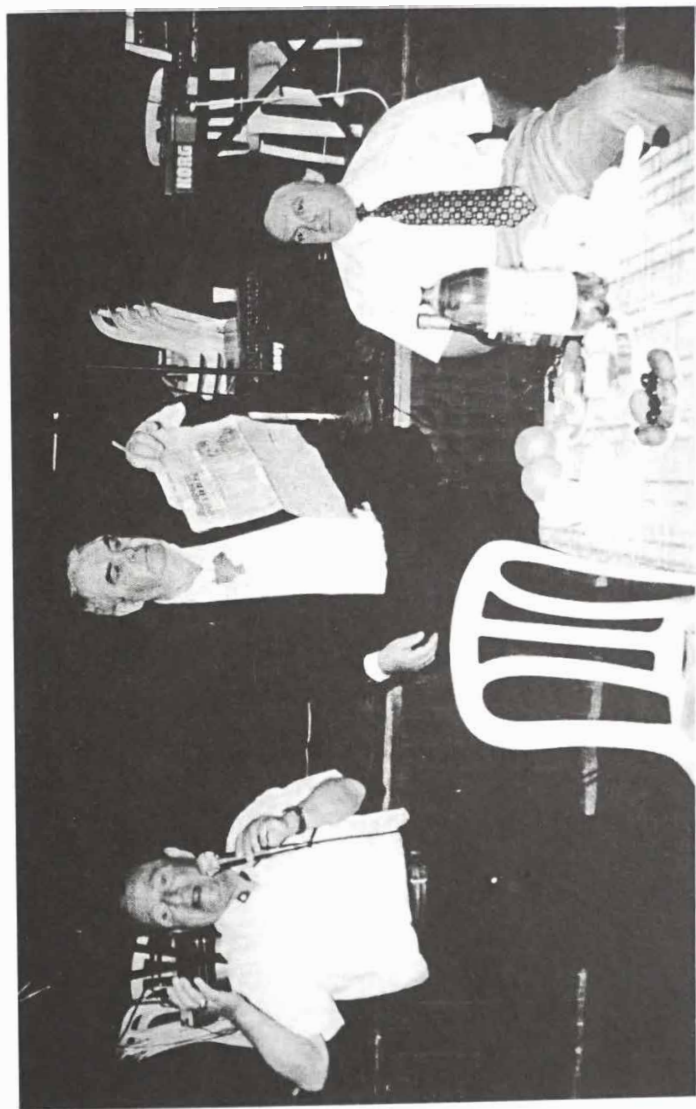
Спрашивают: "В чем дело?"

И вот ответ: "Генерал в два часа обедает,

- Накормите нас, затем буду говорить."

Пленнику принесли обед. Вышел адъютант, а он опять начал ругаться. Оказалось, немецкий генерал просил русскую водку или спирт.

Во фляге одного офицера нашелся спирт, его отдали генералу. После обеда и отдыха немецкий генерал стал отвечать на все вопросы.

*9 мая 1997 года. Израиль. Член комитета ветеранов войны гв. Капитан медслужбы Шаулов
выступает перед ветеранами по поводу 52-й годовщины Победы.
В руках у председателя Михаила Полтона оргинал газеты "Патриот Родины" от 9 мая 1945 года.
Присутствует зам мера города Зорба.*

ВСТРЕЧА ДВУХ ОДНОПОЛЧАН СПУСТЯ 56 ЛЕТ

Начало мая 1999 года. Израиль, город Тират-Кармель.

Идет очередное заседание комитета ветеранов войны.

Перед началом заседания пришла новая репатриантка, участница войны и записалась в нашу организацию. Она сидела и слушала, что происходит у нас.

В это время Толиш - председатель нашей организации, предоставил мне слово. Я рассказывал один эпизод из военных действий. На тему "С ранеными из окружения".

Наш новый член организации очень внимательно меня слушала. Когда мы стали расходиться, Броня (так ее звали) подошла ко мне и говорит:

- Доктор Шаулов, я тоже и 282-й стрелковой дивизии. Я вас хорошо помню. А вы меня не узнаете.

Я конечно ее не узнал. Но задал вопрос: "Кто был главврачом в медсанбате"?

Она ответила: "Степанов".

Тогда мы стали обниматься. Эту сцену наблюдали с восторгом члены нашей организации ветеранов.

- Я медсестра из приемного отделения медсанбата Броня.

- Да, да я тебя помню, ты медсестра Броня!

Мы стали снова обниматься, целоваться. Все стояли кругом и с восхищением смотрели.

Мы договорились встретиться на следующий день в парке.

В парке мы не могли наговориться, все воспоминания, воспоминания. Сколько было пережито, сколько крови на нашу долю. Я на эту встречу принес фотографию на которой были все врачи медсанбата и полковые врачи. Она первым узнала меня, а потом назвала всех врачей по фамилиям.

"Милый доктор! Все, что вы говорили вчера, я хорошо помню. Шаул, вспомни, когда ты пришел из полного окружения врага и привез с собой раненых, сам был

заросший с бородой. Все врачи и медсестры стали целовать тебя, несмотря на бороду.

Да все было так, и слезы на глазах. О каком бритье могла идти речь, надо было спасти раненых, вывезти всех из окружения. Да, это было под Новгородом.

- Вспомни, Броня, находясь в Германии я привез одну машину отравленных древесным спиртом.

- Кто больше трудился при приеме больных?

- Броня - ответила "Я". Я вызвала тебя из кабинета доктора Степенюка, иди посмотри, как они почернели перед смертью.

22 июня самый черный день в истории Советского народа и нас, репатриантов. В 56-ю годовщину, по инициативе председателя комитета Кохновера Толиша в большом зале состоялся торжественный вечер, посвященный встрече двух ветеранов, доктора и медсестры. Это произошло спустя 56 лет.

На этой встрече присутствовало более ста человек. Были руководители Сохнута, руководители города.

Наши выступления сопровождалось аплодисментами, слезами и смехом. Нам подарили цветы, мы сфотографировались.

Был большой концерт из песен войны. Все присутствующие сидели за столиками с угощениями.

Это был незабываемый вечер. Такое можно было видеть только в кино.

Ах война, война...

Мир тебе и здоровье, наш Израиль!

Турам Кармель. Особый вечер в честь встречи двух однополчан спустя 56 лет.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	2
Об авторе этой книги.	3
КАК Я ПОПАЛ НА ВОЙНУ	4
ПОЛУЧЕНИЕ ГВАРДЕЙСКОГО ЗНАКА	5
ХОЗЯИН НЕИЗВЕСТНОГО ГОЛОСА	6
ОСОБОЕ ПОРУЧЕНИЕ.....	9
МАТЬ ОПЕРИРУЕТ СЫНА.....	11
С РАНЕНЫМИ ИЗ ОКРУЖЕНИЯ	13
ПОГРЕБЕНИЕ ЖИВЫХ ДЕТЕЙ.....	16
ГЕНЕРАЛ И ЕЗДОВОЙ.....	18
ЕЕ ЗВАЛИ МАРИЕЙ	20
МОЯ ПОСЛЕДНЯЯ ВОЕННАЯ НОЧЬ	23
СЛУЧАЙ НА РЕКЕ ОДЕР.....	25
КОРОТКО О НАШИХ ТРАДИЦИЯХ	26
В ЧЕМ ПРЕДВИДИЛИ МЫ ПОБЕДУ	26
ЕДИНСТВЕННАЯ СПРАВКА.....	27
БУДАПЕШТ	28
ВРУЧЕНИЕ ФЛАГА.....	29
ВСТРЕЧА ДВУХ БРАТЬЕВ.....	30
МОГИЛА ВО ДВОРЕ	35
МЕЛКИЕ ЭПИЗОДЫ	38
<i>Мама, я боюсь</i>	38
<i>Письмо в село</i>	39
<i>Котелок воды</i>	40
РАССТРЕЛ СОЛДАТА	41
ГЕНЕРАЛ МОЛЧИТ	42
ВСТРЕЧА ДВУХ ОДНОПОЛЧАН СПУСТЯ 56 ЛЕТ	44

